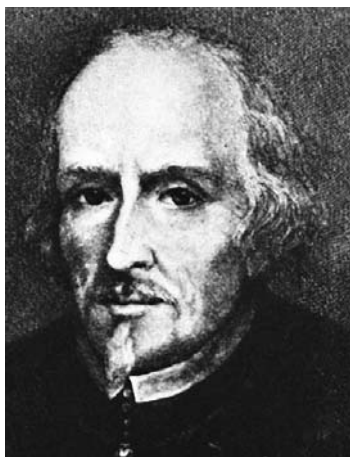

Переперевод

[180]

ИЛ 10/2021

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА

Жизнь есть сон

Фрагменты драмы

Перевод с испанского и вступление НАТАЛЬИ ВАНХАНЕН

Мученик без святости, или Портрет принца Сегизмундо анфас и в профиль

Человеку, произошедшему из зверя, легко падать,
но трудно подниматься.
Академик И. П. Павлов

Ключевая фигура испанского театра Золотого века, главный представитель, а точнее, создатель театра барокко — Кальдерон не слишком известен в нашей стране. Во всяком случае, до славы Шекспира и Лопе де Веги ему далеко. Не он тому виной: так вышло, и есть этому некоторые объяснения.

Один из самых плодовитых драматургов за всю историю европейской литературы (120 комедий, 80 ауто и 20 интермедий), он сам составил в конце жизни список своих произведений, не тщеславия ради, а для того, что-

© Наталья Ванханен. Перевод, вступление, 2021
Полностью пьеса Кальдерона “Жизнь есть сон” в переводе Натальи Ванханен выйдет в издательстве “Центр книги Рудомино”.

бы ему перестали, наконец, приписывать работы других авторов. Не забудем, что комедией в те времена именовалась любая полнометражная пьеса, интермедией — короткое представление между актами или под занавес, а ауто сакраменталь — представление на религиозные темы.

Дон Педро Кальдерон де ла Барка (1600—1681) родился и прожил жизнь в Мадриде — длинную жизнь, вместившую почти весь XVII век, блестящий, авантюрный, героический и зловещий, полный культурных и научных взлетов и глубочайших падений на самое дно пыточных подвалов инквизиции. Кальдерон был сыном своего столетия, рос и развивался вместе с ним: был студентом, воином, поэтом и любимым драматургом короля Филиппа IV, директором королевского театра, священником, наконец. Его пьесы издавались, но, случалось, что бывали и запрещены к печатанию, причем надолго.

А главное — он был гением, мастером сценической интриги, виртуозом поэтического слова.

И надо же такому случиться, что в России, вскоре после революции 1917 года, во время ревизии библиотек на предмет вредности или полезности для нового пролетарского государства хранящихся в них книг, трагический гуманист Кальдерон “попал под раздачу”: его объявили мракобесом и чуть ли ни пособником инквизиции. Это его-то, насмешника над темнотой и суевериями, твердившего, что побеждает лишь тот, “кто доверяет свету, а не тьме”. Таким образом судьба Кальдерона в России была предрешена на несколько десятилетий вперед. А ведь до революции его ставили довольно активно, особенно в русской провинции.

“Жизнь есть сон”, возможно, вообще самая знаменитая пьеса испанского театра Золотого века и, без сомнения, самая прославленная драма эпохи барокко. Даже те, кто никогда о ней не слышал, зачастую знают это словосочетание.

Драма неоднократно переводилась. Самый известный перевод принадлежит К. Д. Бальмонту. Существуют также переводы Д. К. Петрова, И. Ю. Тыняновой, М. А. Донского. Недавно в архивах обнаружен перевод В. Я. Парнаха.

Мне хотелось сделать перевод легко читаемый, поэтичный и максимально близкий к строфике Кальдерона. Хотелось показать Кальдерона поэта.

Признаюсь, вспомогательный глагол “есть” в русском названии драмы мне как переводчику совсем не нравится. Я честно пыталась заменить его, скажем, на “лишь”: “Жизнь лишь сон”. Почему-то не звучало. Может быть, именно потому, что невозможно ничего поменять в формуле, давным-давно впечатанной в сознание.

Перед нами философская сказка, развернутая притча, а сюжет ее, вкратце, таков.

Королю далекой, экзотической для испанцев Польши звезды предсказали рождение сына-тирана. Получив несколько реальных подтверждений того, что звезды не обманывают — смерть королевы от родов, затмение, зем-

летрясение, пожар и вообще полный апокалипсис в момент рождения принца, — перепуганный король Базилио приказывает тайно увести младенца-первенца из дворца: пусть растет и воспитывается в башне-темнице, вдали от людей — так он не сможет навредить стране и ее королю. Время идет, принц подрастает, король стареет. Других детей у него нет, и пора подумать, кому же в ближайшем будущем передать корону. Есть, правда, племянница Эстрелья и племянник Астольфо из московских земель... Что ж, можно пригласить и их. Но для начала король все-таки решает призвать ко двору законного сына в надежде, что звезды ошиблись и юноша вырос не злодеем.

И вот тут самое интересное! Король велит усыпить принца Сегизмундо и доставить его ко двору спящим. Если все сложится хорошо и принца можно будет оставить при себе, пусть впредь полагает, что тюрьма ему только снилась, а реальная его жизнь — жизнь наследника престола. Если же он проявит себя наихудшим образом, подтвердив прогнозы звезд, его надлежит усыпить вторично и вновь отправить в тайную башню: пусть, проснувшись, верит, что дворец ему только снился, тихо живет отшельником и не страдает от того, что потерял власть и богатства. У короля самые добрые намерения, но, как часто бывает, действительность вносит в хитроумный план непредвиденные поправки.

Итак, принц Сегизмундо — главный герой драмы. Как он поведет себя? Будет ли достоин своего высокого назначения или пойдет на поводу у низменных инстинктов? Что ждет короля-звездочета и могучее королевство?

“Жизнь есть сон” не только притча об иллюзорности всего сущего, это и пьеса о воспитании. Воспитании монарха, что чрезвычайно актуально в кальдероновскую эпоху — ведь иного типа правления не существует. Как часто заносчивость и простодушный дикарский эгоизм власть имущих приводит государства к краю бездны! Драма создана в 1635 году. Пройдет каких-то пять лет, и в соседней Англии вспыхнет гражданская война, а меньше чем через пятнадцать лет на площади перед Уайтхоллом будет обезглавлен ровесник Кальдерона, английский король Карл I.

Добрее будьте к обступившим трон —
Пускай вы принц, но вдруг все это сон?! —

этимися словами Клотальдо, воспитатель принца, напутствует своего подопечного.

Если мы взглянем на все происходящее глазами самого Сегизмундо, то почувствуем себя в том жанре, который в современном искусстве получил название “триллер”. Что происходит? Где правда? Почему одни и те же люди ведут себя совершенно по-разному и так непредсказуемо? Кто я, бедный узник или принц? Я — сумасшедший и у меня бред или кто-то нарочно сводит меня с ума? И если да, то зачем?

На все эти вопросы герой, как во всяком триллере, вынужден ответить сам, и никто ему тут не поможет. А еще ему нужно выбрать, каким же ему быть, то есть речь идет о самовоспитании, о становлении личности.

Кальдерон не обольщается относительно врожденного благородства человека: нет, человек не рождается венцом творения и воплощением добродетелей, как будет думать последующая эпоха Просвещения. Человек рождается зверем, а человеком становится в процессе длительной шлифовки культурой, цивилизацией, в жестокой схватке с собственной несовершенной природой.

На приключения Сегизмундо можно посмотреть и как на некое житие, хождение по мукам, преодоление искушений на пути — нет, не к совершенству, не к святости, а просто к самому себе — лучшему, заслужившему право зваться человеком. Нет достойнее победы, чем победа над собой — скажет принц под занавес.

Первое действие, пребывание Сегизмундо в неведении относительно своего происхождения, в тюрьме посреди глухого леса, можно рассматривать как ад. Второе — пребывание во дворце — как рай, но мнимый, незаслуженный, а потому и недолговечный. Наконец — третье... А вот тут самое интересное. Во дворце, в мнимом раю, принц проходит через все мыслимые искушения: его искушают женщина, власть, вседозволенность. И что же? Он не сопротивляется, он галопом летит “в поля порока”: готов на насилие, совершает убийство. В результате несчастный король-отец убеждается: звезды были правы, его сын настоящий злодей. Принца снова усыпляют и возвращают в заключение, теперь уже, как предполагается, навеки. И вот тут начинается возрождение. В третьем действии принц проходит все стадии развития — от куколки до бабочки — заново. Он вновь переживает ад (тюрьму), чистилище (освобождение и сражение с войском короля, а главное — с собственными темными страстями) и, наконец, рай — возвращение во дворец триумфатором, образцовым принцем, Человеком с большой буквы, мудрецом, способным на великодушие, прощение и самопожертвование.

Кальдерон знаменит своим поэтическим красноречием. Монологи в его пьесах огромны и невероятно наполнены: образами, метафорами, безднами и высотами. Это Цицерон стиха. Его герои — адвокаты своей судьбы. Они способны привлечь наши сердца на свою сторону силой слова даже тогда, когда изначально мы им совсем не сочувствовали. В этом смысле монологи Сегизмундо особенно интересны. Испанские исследователи отмечают, что они подобны колоннам, поддерживающим свод величественного здания. Порой Сегизмундо обращается к собеседникам, но очень часто это внутренние монологи, разговор с самим собой.

В XVII веке в моду вошли тройные портреты: одно и то же лицо представлено и анфас, и в профиль, причем профиль дан и правый, и левый. Самыми известными, наверное, остаются тройной портрет Ришелье кисти Филиппа де Шампenea и тройной портрет казненного английского короля Карла I кисти Ван Дейка. Оба произведения не самоцель: они были выполнены для отсылки скульпторам.

Мне показалось, что монологи Сегизмундо могут дать нам такой скульптурный, разносторонний портрет принца, а косвенно и некоторое представление обо всей пьесе, с ее многослойной философской проблематикой.

Итак, мы застаем юного Сегизмундо, облаченного в звериную шкуру, в тюрьме, где он страстно жалуется на горькую участь невинного пленника.

[184]

ил 10/2021

О горе мне! За что такая мука?
Может, небо скажет мне —
Годы медило с ответом! —
Отчего зимой и летом
В этой дикой стороне
Я, при солнце и луне,
Так несчастен, что не светит
Мне надежда, путь иной
Не открыт передо мной?
Кто за боль мою ответит?
Бог, должно быть, шельму метит
Уж за то, что рождена
В этот грешный мир она!
Горько плачу и стенаю,
Но, убей меня, не знаю,
В чем она, моя вина?!
Ах, неужто на примете
Никого виновней нет?
Самый страшный грех на свете —
Грех рождения на свет.
Осужден на столько лет!
Разве я — как тут ни сетуй —
Всех виновней в жизни этой?
Лишь ко мне судьба глуха?
Я один помечен метой
Первородного греха?!
Птица в небе рождена,
Радость зрения и слуха.
Как цветной букетик пуха,
В вольном воздухе она!..
Но во мне — побольше духа!
Птицу манит высота,
Птица пеньем занята,
Бросив деток в чистом поле...
У меня — мечта о воле,
А свобода отнята!
Зверь рожден на склонах гор.
Как резцом, украсил шкуру
Звездных отсветов узор.
Исказил его натуру
С человеком вечный спор: